

ТАШ ЭНИҚЛИС

Ты мой
последний свет
в окне

Таш Эниклис

Ты мой последний свет в окне

«Автор»

2025

Эниклис Т.

Ты мой последний свет в окне / Т. Эниклис — «Автор», 2025

Она потеряла маму. Он — родителей. Она жила в тени одиночества. Он — в тени болезни... Но когда пути пересеклись, они стали друг для друга светом... последним светом в окне. Это история девочки Жени и новенького парня в школе, Евгения, которая начинается в девятом классе, среди стихов Цветаевой и песен РЯ, а заканчивается в парке, где они когда-то впервые сказали друг другу "люблю". Это роман о том, как любовь может прийти в самый неожиданный момент, чтобы спасти... и остаётся с тобой, даже если человека больше нет рядом. Книга для тех, кто верит в музыку, в слова, в первый взгляд, способный изменить всё...

© Эниклис Т., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Дисклеймер	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Таш Эниклис

Ты мой последний свет в окне

Дисклеймер

Предупреждение для читателя.

Данное художественное произведение содержит сцены и темы, которые могут быть тяжелы для восприятия некоторой аудиторией, включая:

- Явные описания употребления алкоголя.
- Сцены насилия, жестокости и потери близких людей.
- Упоминание мыслей о самоубийстве.

Если перечисленные темы могут нанести вам психологическую травму, рекомендую воздержаться от чтения.

Автор порицает все перечисленные упоминания и рекомендует придерживаться здорового образа жизни.

Глава 1

Женя проснулась от звука капель, громко стучащих по подоконнику. За окном шел мелкий дождь, смешивающийся с последними осенними листьями. Она потянулась, чувствуя, как холодный воздух проникает в комнату через щели в старых деревянных рамах. Ее комната была маленькой, но уютной: на стенах висели постеры с изображением ее любимого певца Якова РивАненко – РЯ, а на полке стояла старая шкатулка, оставшаяся от мамы. Женя часто открывала ее, чтобы посмотреть на фотографии и письма, которые мама хранила как память.

Она встала с кровати, натянула на себя теплый халат и подошла к окну. Городок за окном был тихим и неприметным: узкие улочки, покосившиеся заборы, редкие прохожие, спешащие по своим делам. Женя любила этот вид, хотя и мечтала когда-нибудь непременно уехать отсюда. Здесь все было слишком предсказуемо, слишком скучно. Но пока это был ее дом, и она знала каждую трещинку на тротуаре, каждое дерево в парке.

Из кухни донесся звук падающей посуды. Женя вздохнула. Отец снова напился. Его звали Владимир. Когда-то он был обаятельным кареглазым брюнетом, веселым и шутливым. Сейчас же он превратился в лохматого спившегося мужика, вечно недовольного всем, что происходило вокруг него и всеми, кто был рядом, в том числе и дочерью. Женя не знала, что хуже: его пьяные крики или тишина, которая наступала после. Мама всегда умела успокоить его, но теперь ее не было. Она старалась не думать о том дне, когда мама ушла и не вернулась, но не могла прервать мучительные воспоминания.

Прошел уже целый год с того страшного дня, но боль до сих пор жила где-то глубоко внутри, как незаживающая рана. Женя вспомнила, как мама ласково улыбалась ей, как нежно гладила по голове, как готовила свои фирменные голубцы. Никогда она еще не ела блюда вкуснее, и вряд ли когда-нибудь попробует. Оно несло вкус счастливого детства. Вкус маминой любви...

В памяти всплыл тот тревожный звонок на домашний телефон. Они с папой волновались – мама сильно задерживалась с работы. Когда Женя сняла трубку, холодный женский голос на том конце провода спросил, есть ли дома взрослые? Женя позвала к телефону папу. Взяв в руки трубку, он будто почернел от того, что там услышал и растерянно посмотрел на дочь. Женя беспокойно спросила, что случилось. И когда папа дрожащим голосом сообщил, что мама попала в аварию, Жене показалось, что пол под ее ногами куда-то пропал.

Задышавшись от волнения, она уточнила, может, мама просто в больнице? Тогда им срочно нужно к ней. Начала лихорадочно соображать, что могло бы понадобиться маме, и взять это с собой. Но папа покачал головой и тихо сказал, что мама погибла.

Женя не хотела верить ему. Она стала кричать, что он просто ничего не понял, что мама жива, и им надо спешить к ней в больницу! А потом она повернулась к стене и отчаянно начала колотить по ней кулаками, разбивая костяшки в кровь, повторяя при этом: “Нет! Нет! Не-е-ет!”

Папа подошел к дочери и крепко обнял. Она попыталась вырваться, не желая верить в случившееся, но отец только сильнее прижимал ее к груди и шептал, успокаивая: “Тш-ш-ш... Все будет хорошо... Надо держаться...”

Наконец, Женя обмякла в его руках и горько разрыдалась. Так началась их новая жизнь. Жизнь, в которой больше не было места радости и счастливым улыбкам. Вместо того, чтобы поддерживать дочь–подростка, отец заливал свое горе алкоголем, преимущественно, дешевой водкой. И девочке пришлось повзрослеть в четырнадцать лет: ухаживать не только за собой, но и за нерадивым родителем. Она, конечно, понимала, что с помощью алкоголя он пытался уйти от жестокой реальности существования без любимой жены, с которой прожил двадцать счастливых лет. Только в погоне за обезболиванием души, он совершенно забыл о том, кто остался. О маленькой растерянной девочке, которой пришлось учиться жить без мамы...

Женя налила себе чаю и села за стол, стараясь не обращать внимания на отца, который сидел в углу с бутылкой в руках. Его взгляд был пустым, словно он смотрел куда-то далеко, в другое время, другую жизнь. Она хотела сказать ему что-то, но слова застревали в горле. Бросив печальный взгляд на уже неменяемого родителя, даже не заметившего ее присутствия, она вздохнула и молча ушла в свою комнату. Вместо очередной попытки привести отца в чувство, Женя взяла наушники и включила музыку. Песни РЯ всегда помогали ей забыть о безрадостной реальности, хотя бы на время.

“Этот год пролетел.
Я устал ждать любви.
Я не помню себя настоящего...
Сковал холод постель.
Хватит! Душу не рви!
Дерзким был, превратился в просящего...
Кто же знал, что любовь – это боль?
Я не верил, что может быть так.
Ну зачем же мне эта любовь?
Без тебя подыхаю, слабак...
Кто же знал, что измена как яд?
Я не верил, что больно другим.
Хохоча, ты свалила в закат.

Мне ж теперь разрывает мозги...” – эта музыка закрывала ее от всего мира. Голос Якова Риваненко касался чего-то глубоко внутри. Он будто знал ее боль.

"Отомстила за тех,
Кому я изменил.
Кого бросил, не глядя на слезы.
И победный твой смех
Звучит ночи и дни
В голове. Как стальные занозы...
Вою я от тоски.
Никого не хочу.
Я усвоил жестокий урок...
Душу рвет на куски.
Я покоя ищу.

Раз... Два... Три... И сжал палец курок...” – каждый новый аккорд отзывался в груди тихим эхом. В такие минуты Женя улетала в свой мир. Мир, в котором нет ни отцовских пьянок, ни скорби, ничего...

"Кто же знал, что измена как яд?
Я не верил, что больно другим!
Хохоча, ты свалила в закат.
Мне ж теперь разрывает мозги...
Я познал, что любовь – это боль...
Я поверил, что может быть так!
Не нужна мне такая любовь!

И я сдался... Прощай... Твой слабак...” – а песня все играла и играла, пока не закончилась.

Женя поставила эту песню на повтор и уже, наверное, в сотый раз безмолвно подпевала в такт его словам. Любимые строчки заставляли ее забыться ненадолго. Перед глазами возник образ улыбающейся матери. Она была еще так молода и красива: ярко-рыжие, по-модному

постриженные волосы, большие серые глаза и теплая улыбка на лице. Маму звали Галина. Ей было всего сорок два.

Слова, что лились сейчас, уносили девочку в воображаемый мир, в волшебную вселенную, где у нее снова была счастливая семья, где мама жива, где папа всегда презирал алкоголь...

Осознавая, насколько она сейчас одинока, Женя размышляла о том, что будет, если она закончит все это? Она встретится с мамочкой на небесах? Мама наверняка в раю. Ничего дурного она не сделала в своей жизни. А этот рай, вообще, существует? Или после смерти одна лишь пустота и тьма? И ничего вокруг... Закрыв глаза, девочка горько заплакала.

Женя очень торопилась в школу. Из-за ночного отцовского кутежа, она опять проспала. В два часа ночи ее разбудили бряцанья падающих кастрюль и пьяные крики Владимира о том, что дочь сварила отвратительный суп. Она боялась его в таком состоянии, а напивался отец очень часто, практически каждый день. В такие моменты ей неистово хотелось умереть и больше никогда его не слышать. Она накрылась одеялом с головой, сжалась в комочек и дала волю слезам отчаяния. Так и уснула, уткнувшись в мокрую подушку, напрочь позабыв завести будильник.

Девочка забежала в класс, сопровождаемая гулом школьного звонка. «Успела...» – с облегчением подумала она. Снова получить нагоняй от преподавателей или завуча ей очень не хотелось.

На занятиях все было как обычно. Учителя говорили что-то о контрольных и домашних заданиях, ребята обсуждали последние сплетни и с некоторым презрением поглядывали на тихую одноклассницу, отличавшуюся от остальных спокойным поведением и послушанием, да отстраненностью от сверстников. Они знали, что она потеряла мать, что отец ее нещадно бил, но никогда не задумывались, насколько тяжело ей живется. Все, кроме Риты. Эта веселая рыжеволосая девчонка с зелеными глазами и кучей конопушек, рассыпавшихся по милостивому лицу, единственная, с кем Женя общалась не только на тему уроков. Ей она могла пожаловаться, как неподобающе ведет себя отец и знала, что та никому ничего не расскажет. Девочка считала ее подругой.

Одноклассники непременно пользовались податливостью Жени и всегда с удовольствием списывали задания. Училась она хорошо. Кроме опозданий, претензий со стороны преподавательского состава к ней не было.

Женя сидела за своей партой, уставившись в окно. Ей казалось, что она живет в каком-то параллельном мире, где все идет своим чередом, а она просто наблюдает со стороны. Единственное, что интересовало девочку – это музыка. Она мечтала когда-нибудь побывать на концерте Якова Риваненко, увидеть его вживую, почувствовать энергию толпы. Но билеты были слишком дорогими, а ее отец даже не знал, кто такой РЯ. Да и если бы знал, то не поделил бы ее музыкальных предпочтений, подарив такую возможность.

На большой перемене Женя вышла в школьный двор. Она никогда не обедала. Денег не было. Поэтому она всегда старалась немного побыть на улице в одиночестве. Осенний воздух был свежим и бодрящим. Она прислонилась к дереву и закрыла глаза, представляя, как однажды окажется в большом городе, среди огней и людей. Ее мечты прервал голос одноклассницы Риты:

– Женька, ты слышала? У нас новенький! У Сороки сейчас сидел с родителями.

Девочка открыла глаза и посмотрела на подругу. Та была взволнована, как будто новенький – какая-то знаменитость.

– Ну и что? – пожала плечами Женя.

– Он такой... странный. Но симпатичный. Я так поняла, что прямо сегодня придет, на литературу.

Женя не придавала этому значения. Новенькие появлялись в их школе редко, но это никогда не меняло ее жизнь. Она вернулась в класс, села за парту и снова надела наушники, пока перемена не закончилась. Но когда дверь открылась, и в класс вошел он, она невольно подняла глаза.

Мальчик был высоким, с каштановыми волосами и спокойным глубоким взглядом. Он выглядел очень серьезным и немного старше своих лет. В его серых глазах читалась невыразимая грусть и усталость, которые сразу привлекли внимание Жени. Учительница представила его классу:

– Это Евгений Правдин. Он будет учиться с вами.

По классу тут же покатилась волна перешептываний.

“Евгений... Гений, значит!” – заржал Арсений – местный хулиган и непоседа.

“Какой красавчик!” – умилялись за партой, находящейся сразу за Жениной, хохотушки Маша и Ира.

Евгений кивнул классу и сел за парту рядом с Женей. Она почувствовала, как сердце забилось чаще. Он не был похож на других парней в школе. В его взгляде читалось что-то загадочное, что-то, что заставляло задуматься.

На уроке девочка украдкой поглядывала на новенького. Он сидел спокойно, не обращая внимания на шепот одноклассников. Когда звонок прозвенел, он встал и вышел из класса, не сказав никому ни слова. Женя осталась сидеть, чувствуя, как в ее голове крутятся вопросы: “Кто он? Откуда? Почему он кажется таким... другим?”

После уроков Женя задержалась в школе. Ей хотелось побыть одной, подумать. Но когда она вышла на улицу, то увидела Евгения. Он стоял у ворот, смотря куда-то вдаль. Она собиралась пройти мимо, но он обернулся и посмотрел на нее.

– Привет, – сказал он. Его голос был тихим, но уверенным.

– Привет, – ответила Женя, чувствуя, как щеки начинают гореть.

– Ты Женя, да? – спросил новенький.

Она кивнула, удивленная, что он знает ее имя.

– Я слышал, ты можешь дать списать темы, которых у меня нет. Поделишься?

Женя почувствовала, как сердце замерло. Она кивнула и протянула ему тетрадь, не находя слов. Евгений улыбнулся, взял ее в руки и, не убирая в портфель, пошел прочь, оставив ее стоять с тысячью вопросами в голове.

В тот вечер девочка долго лежала в кровати, думая о новеньком. Отец, к ее удивлению, вел себя весь день спокойно и отстраненно, потягивал пиво и смотрел телевизор. На работу он ходил в любом своем состоянии. Девочку всегда удивляло, как его начальство закрывает глаза на пьянки отца? Видимо, они его жалели. Да и заниматься грязной работой – убирать мусор, копать траншеи или выгребать засорившуюся канализацию, желающих находилось немного. Раньше он считался высококлассным слесарем, имел шестой разряд и трудился на машиностроительном заводе их маленького городка. Теперь же он числился там обычным разнорабочим. Уходил, когда Женя уже убегала в школу, и возвращался до ее прихода.

Евгений же был таким непохожим на всех, кого она знала. И в его глазах было что-то, что заставляло ее сердце биться чаще. Она не знала, что это было, но чувствовала, что жизнь вот-вот изменится.

Глава 2

На следующее утро Женя проснулась с необычным чувством воодушевления. За окном слышались отдаленные звуки города: шум машин, голоса прохожих, лай собаки где-то вдалеке. Но в квартире было тихо, только старые часы на стене мерно тикали, отсчитывая секунды. Она села на кровати, потянулась и взглянула на телефон. Уведомления о новых сообщениях не было – как обычно. Ее жизнь протекала одиноко и однообразно: ни веселых посиделок в компании друзей, ни бурных обсуждений с подругами. Да и подругой она считала лишь Риту, а она общалась с Женей только в школе. Гулять девочка выходила редко, так что Рита давно перестала ей звонить и пытаться уговорить выйти на свежий воздух.

Отец вел себя тихо, и Женя решила, что он еще спал. Сначала она облегченно вздохнула и отправилась умываться. Когда уже чистила зубы, в голову ее пришли странные мысли о том, вдруг случилось страшное. Выключив воду, она спешно подошла к комнате отца. Хотела постучать и войти, но дверь открылась, и перед ней появился папа, трезвый.

– Ты чего? – спросил он сухо и подозрительно посмотрел на нее.

– Думала предложить тебе позавтракать вместе, – также холодно ответила Женя.

– А-а-а, – протянул отец устало. – Ешь одна, я не хочу. Сегодня много работы – в кабинете у Петровича с унитазом какая-то беда, разобраться надо. А потом он сказал, что у него еще задание для меня будет. Так что, скорее всего вернусь домой позднее обычного.

Девочка кивнула ему и отправилась на кухню, мысленно соображая, почему отец вдруг изменил своей привычке и даже кофе не собирался выпить. Конечно, видеть отца трезвым, было для нее радостно. Нечасто в последнее время она имела такую возможность, но почему-то это вызывало у нее беспокойство.

Алексей Петрович – генеральный директор машиностроительного завода “МАШЭНЕР”, с уважением относился к отцу. Пытался поддержать его, когда у них в семье случилось горе, но не сумел до него достучаться и, пренебрегая отцовскими пьянками, сохранил отцу возможность хоть как-то обеспечивать семью, просто переведя на низкую должность.

Отец тоже уважал своего начальника, но это не мешало ему вести себя неподобающе адекватному человеку, продолжая устраивать пьяные дебоши. Но, когда дело касалось личных поручений директора, он всегда выполнял их в точности так, как это требовалось.

“Вот и сейчас он просто не хочет вызвать на себя гнев Алексея Петровича и испортить с ним отношения, – безрадостно подумала Женя. – Завтра все вернется на круги своя.”

Когда яичница шкворчала на сковородке, отец уже оделся и ушел на работу, а она погрузилась в размышления. Обычно ее будни начинались с тяжелого осознания того, что день будет таким же, как и все предыдущие: школа, дом, отец, который либо пил, либо молчал. Видеть его трезвым с утра приходилось нечасто. К тому же в такие дни Женя, после возвращения из школы, понимала, что он уже был пьян. Так что, она не особо рассчитывала на другое.

Но сегодня что-то изменилось. В ее голове крутились мысли о новеньком – Евгении. Его спокойный взгляд, тихий голос и странная уверенность в себе не давали ей покоя. Она не понимала, что вызывало в ней трепет, когда думала о нем. Просто никак не получалось переключиться на что-то другое. Она даже не заметила, как сама улыбнулась, представляя, как они слушают музыку вместе.

В школе сегодня у одноклассников была только одна тема – все обсуждали новенького. Девочки шептались на переменах, мальчики пытались понять, что он за тип. Евгений же дер-

жался особняком, не вступая в разговоры и не обращая внимания на любопытные взгляды. Женя заметила, что он часто смотрел в окно, за которым шел дождь, словно его мысли были где-то далеко. Это только усиливало ее интерес.

На уроке геометрии Женя сидела за своей партой, стараясь сосредоточиться на объяснениях учителя. Но ее внимание постоянно переключалось на Евгения, который сидел рядом. Он что-то писал в небольшом блокноте, который положил прямо на тетрадь и изредка поглядывал на часы. Женя заметила, что его почерк был аккуратным, почти каллиграфическим, а сам он казался сосредоточенным, как будто писал что-то важное. Пытаясь вчитаться в написанное, она поняла, что тот сочинял стихи.

– Неприлично читать чужие письма, – недовольно прошептал Евгений и прикрыл рукой свои записи.

– Извини, – ответила Женя и густо покраснела.

– Ты любишь стихи? – уже по-доброму спросил новенький, и Женя коротко кивнула, переведя взгляд на Ольгу Васильевну.

– Что-то непонятно, Женя? – поинтересовалась учительница.

– Нет, все понятно, – быстро сказала девочка и потупила взор.

– А тебе? – обратилась Ольга Васильевна к Евгению, и когда тот сообщил, что уже проходил эту тему, кивнула. – Хорошо. Тогда продолжим...

Оставшуюся часть урока девочка старалась не отвлекаться, внимательно слушала учителя и выполняла задания. Присутствие рядом новенького, взгляд которого вызывал волну мурашек на ее теле, она пыталась не замечать. Когда прозвенел звонок, Женя собрала вещи и направилась к выходу. Она хотела побыстрее уйти, чтобы избежать лишних разговоров, но вдруг среди шума одноклассников услышала за спиной:

– Женя, подожди.

Девочка обернулась и увидела Евгения. Тот стоял с рюкзаком в руке, смущенно улыбаясь.

– Ты сегодня после уроков свободна? – спросил он.

Ребята заинтересованно наблюдали за ними. Некоторые девчонки смотрели на нее с завистью, другие манерно закатывали глаза и цокали языками, насмешливо передразнивая друг друга. Женя почувствовала, как сердце заколотилось. Она кивнула, не зная, что сказать.

– Я хотел показать тебе кое-что, – сказал Евгений, не обращая внимания на косые взгляды и кислые физиономии одноклассниц. – Если, конечно, ты не против.

– Что именно? – спросила Женя, стараясь звучать равнодушно, в то время как душа ее замирала от предвкушения.

– Просто хотел услышать твое мнение кое о чем, – ответил он загадочно. – Встретимся у ворот после уроков?

Женя снова кивнула, ощущая, как щеки начинают пылать. Евгений улыбнулся и пошел прочь, оставив ее стоять с тысячей вопросов в голове: “Что он хочет показать? Почему именно ее мнение ему важно? Зачем об этом нужно было спрашивать сейчас, а не на последнем уроке?” Мальчишки дружно стали кривляться и верещать о том, что кому-то пора в ЗАГС, а Рита бросилась к ним, колотя учебником по головам, защищая подругу.

Последним уроком была физика. Новенького опросили по ряду изученных тем, и когда Виктор Андреевич выяснил, что тот прекрасно успевает по его предмету, удовлетворенно вздохнул. Жене физика давалась не так просто, как остальные дисциплины, поэтому она сосредоточенно слушала учителя, старательно решая задачи.

Когда уроки закончились, Женя вышла на улицу. Дождик уже не моросил, но воздух, наполненный запахом мокрой земли, ощущался влажным и холодным. Она увидела Евгения, стоящего у ворот. Он был в темно-синей короткой куртке и черном шарфе, который слегка развевался на ветру. Когда он заметил Женю, его лицо озарилось дружелюбной улыбкой. Он махнул ей рукой, подзывая.

- Пойдем? – спросил новенький, когда она подошла.
- Куда? – поинтересовалась Женя, чувствуя легкое волнение.
- Сейчас увидишь, – ответил он, улыбаясь. – Не бойся.

Девочка хотела возразить, что не боится, но вместо этого пожала плечами, и они пошли по улице, минуя знакомые дома и магазины. Евгений шел уверенно, как будто знал каждый уголок этого городка, хотя приехал сюда всего несколько дней назад. Женя шла рядом, стараясь не отставать. Она думала уточнить, куда они идут, но что-то в его спокойствии заставляло ее молчать.

Через несколько минут они вышли к старому парку, который, будто специально для них прятался в тени высоких деревьев. Это было одно из любимых мест Жени, особенно осенью, когда деревья преображались, словно художник поработал над ними – расписал в яркие золотые и огненно-красные цвета на своем холсте. Раньше они с мамой каждые выходные приходили сюда. Девочка рассказывала о своих впечатлениях от прочитанной новой книги, которые ей покупала мама и слушала истории той, которые с ней случались в детстве. Теперь же она появлялась здесь изредка, чтобы насладиться тишиной и красотой природы, погрузиться в размышления и счастливые воспоминания о матери.

Сегодня парк выглядел совершенно иначе. Серое небо висело над головами ребят, и дождливая погода оставила свои следы – трава была влажной, а лужи блестели под мрачными небесами как темные пятна. Хотя в будние дни парк всегда полон жизни и детских голосов, сейчас он был почти пустым. Лишь несколько прохожих спешили по своим делам. Одна женщина почти не смотрела вперед, только под ноги, укрывшись от холода под ярко-зеленым зонтом.

Женя оглядела это заброшенное пространство, наполнившееся спокойствием, и внутри нее возникло странное чувство – грусти, необъяснимого воодушевления и легкой ностальгии одновременно. Идя сейчас рядом с Евгением, она ощущала себя уверенней, словно теперь одиночество понемногу выпускало ее из своих цепких объятий.

- Давай устроимся здесь, – сказал Евгений, указывая на скамейку под большим дубом.

Девочка погладила ее ладонью, смахивая капли после дождя и аккуратно присела на краю. Парень расположился рядом. Он полез в рюкзак и достал оттуда тот самый блокнот, в котором писал на уроках, открыл его и, смущаясь, протянул Жене. Она осторожно взяла его. У блокнота была красивая обложка – алые лилии на черном фоне.

– С детства пишу стихи, – краснея, признался Евгений. – Пока только мама читала их. Она всегда хвалит меня, но мне хотелось бы честное мнение со стороны.

Женя взглянула на ровные строчки, выведенные аккуратным почерком. Уже это вызвало восхищение. Она писала не так красиво.

“Золотая осень снова за окном. Скоро журавлиные будет слышно крики. Устилает парки желтым полотном. На реке искрятся золотые блики. Птицы перелетные в небе косяками Путь свой держат в теплые ласковые страны. Осень разбросала слезы ручейками И открыла для дождей золотые краны. С листьями резвится забияка–ветер И цветные в воздухе водит хоро-воды. Будто бы раскинула золотые сети

И поймала сказку матушка–природа!” Стихотворение, созданное обычным мальчишкой, показалось ей каким-то волшебным. Не каждый мог увидеть красоту в промозглой осенней погоде, подобрать такие чудесные описания этого непростого времени года и сложить, казалось бы, обычные слова в рифму. Иногда она тоже писала стихи, но никому их не показывала, считая, что таланта к этому у нее нет и ее засмеют. Только маме однажды решилась прочитать одно, но не могла ей поверить, что той, и правда, понравилось.

– Они... Они прекрасные... – прошептала девочка с придыханием и взглянула Евгению в глаза.

- Правда? – обрадованно спросил он и покраснел от смущения.

– Правда... – улыбнулась она. – Спасибо за доверие.

Новенький покраснел еще больше и, стесняясь, проговорил: “Почему-то понял, что тебе можно открыться. И ты честно скажешь, ерунда это все или нет.”

– Знаешь, я тоже иногда пишу... – решила она признаться.

– Покажешь свои? – с воодушевлением поинтересовался парень.

– Может быть... – тихо ответила Женя. – Возьму как-нибудь с собой.

– Хорошо, – просиял Евгений.

Девочка почувствовала, как сердце замерло. Она кивнула, и тогда Евгений включил музыку на телефоне. Первые аккорды песни заполнили ее уши, и она закрыла глаза, погружаясь в звуки.

“Помню, как я целовал твои веснушки.

Как летел на встречу даже в дождь.

Был тогда наивным и послушным.

Верил, что всегда меня ты ждешь.

Ты смеялась, и светило ярче солнце!

Бережно хранил твой смех в душе.

Знала б ты тогда, как сердце бьется

Там, на нашем пятом этаже...

Осколки первой любви

Терзают душу гранями...

Она давно вся в крови...

Она насквозь вся изранена!

А может помнишь еще,

Как мы любили в первый раз?

Нам было так хорошо!

Тогда весь мир был для нас!" – слова песни втекали в уши, как теплый дождь после долгой засухи.

"Я ночами вспоминал твои глаза...

Запах твоей кожи на руках

Сердце бередил, не исчезал.

Я кружил всю ночь в своих мирах...

Думал я, что вместе навсегда.

Представлял, какими будут дети...

Имена в мечтах уже им дал.

Но мечты развеялись, как ветер...

И внезапно нас покинула любовь.

Отпустила ты, а я уехал...

Но назад примчаться был готов,

Умирал без солнечного смеха!

Ты не позвала меня с собой

И со мной уехать отказалась!

Так и умерла наша любовь...

Только в памяти моей она осталась..." – мир сжался до размеров двух маленьких наушников, а песня стала единственной правдой. Только Женя никак не могла понять, если любишь – зачем расставаться?

"Может, ты сейчас тоже грустишь?

Вспоминаешь мои нежные объятия...

Тихо шепчешь в пустоту: “Глупыш!

Не смогла тогда тебя назад позвать я...”

Может, ты хотела, чтобы сам
Понял я, что был тебе так нужен?
Но нет смысла верить в чудеса!

Замужем ты за богатым мужем...” – это была одна из ее любимых песен, но в этот момент она звучала как-то по-новому, как будто Евгений добавил в нее что-то свое.

– Ты слушаешь РЯ? – удивленно спросила Женя.

– Да, мне нравится смысл, который несут в себе его песни. И рифма у него интересная встречается.

– Это мой любимый певец. Его песни помогают мне с улыбкой вспоминать мою прошлую жизнь и не думать о том, какой безрадостной она стала теперь. Не знала, что и мальчики слушают такую музыку, – искренне восхитилась девочка.

Парень пожал плечами. Он все больше и больше вызывал трепет ее сердца, все сильнее притягивал к себе взгляд. Женя прикрыла глаза, размышляя. Евгений был необычный не только внешне. Женю привлекала его душа. Она чувствовала с ним родство на каком-то ментальном уровне. С ним очень легко говорить и не требовалось подбирать слова, искать в голове подходящие темы, чтобы поддерживать разговор. Это и радовало, и настораживало одновременно.

Они сидели так несколько минут, слушая любимую музыку и не говоря ни слова. Женя чувствовала, как напряжение постепенно уходит, оставляя после себя тепло и спокойствие. Она открыла глаза и посмотрела на Евгения. Он сидел, устремив взгляд вдаль, и в его глазах было что-то такое, что заставляло ее сердце биться чаще.

– Спасибо, – сказала она, когда песня закончилась.

– За что? – не понял парень.

– За свои стихи, за РЯ...

– Да не за что, – ответил он, улыбаясь. – Я рад, что тебе понравилось.

– Мне очень приятно знать, что песни РЯ для кого-то еще имеют значение, – призналась Женя.

– Просто я люблю музыку, – сказал он. – А еще... Мне нравится, как ты о ней говоришь. Ты вкладываешь в это душу.

Девочка почувствовала, как щеки снова начинают гореть. Она хотела что-то сказать, но слова застряли в горле. Вместо этого она просто улыбнулась.

– Можно спросить? – тихо произнес парень, и Женя кивнула. Он вздохнул, набираясь решительности. – Ты сказала, что твоя жизнь изменилась. Почему?

– Год назад мама погибла в аварии... – сквозь слезы ответила девочка и отвернулась, скрывая их.

– Прости... Я не знал, – сказал Евгений и виновато посмотрел на нее.

– Ничего... – прошептала она.

– Давай еще послушаем, – предложил Евгений, переводя тему и включая следующую песню.

Они провели так больше часа, слушая музыку и разговаривая о мелочах. Евгений рассказывал о своих путешествиях, о том, как он жил в разных городах, а Женя делилась своими мечтами о том, чтобы однажды уехать из этого городка. Она чувствовала, что с каждым словом они становятся ближе, это удивляло и волновало ее все больше.

Когда начало темнеть, Евгений предложил проводить Женю домой. Они шли по тихим улицам, разговаривая о музыке, книгах, стихах и жизни. Женя ощущала, как что-то внутри нее меняется, будто мир становится ярче и интереснее.

– Спасибо за сегодняшний день, – сказала она, когда ребята подошли к ее дому.

– Это только начало, – ответил Евгений, улыбаясь. – Погуляем после уроков завтра?

Женя кивнула, чувствуя, как сердце наполняется теплом. Она смотрела, как он уходит, и понимала, что этот день стал для нее особенным. Что-то новое и важное вошло в ее жизнь, и она пока не имела представления, к чему это приведет. Но одно осознала точно: Евгений – не просто новенький, он тот, кто может изменить все.

Тихонько отворив входную дверь, девочка прислушалась. В квартире было пусто, только шум с улицы из забытой утром форточки да ровное тиканье старых настенных часов нарушали давящую тишину, отдающуюся напряжением в висках.

– Па-а-ап! Ты дома? – позвала она, но ответа не последовало.

Женя вздохнула и, раздевшись, прошла в свою комнату. Достав телефон, она набрала номер отца, но в трубке раздавались лишь длинные гудки. Отложив аппарат, она присела на кровати. Безмолвие тяготило. Как часто она мечтала насладиться молчанием и спокойствием, не слышать пьяных придилок и истерик отца, не кричать в ответ на претензии о том, как устала, не пытаться донести до родителя, как он изменился. Ей и так тяжело переживать ранний уход матери, а он Жене вовсе не помогает, а, наоборот, добавляет страданий. Но сейчас, окруженная беззвучием, она не испытывала облегчения. Только необъяснимое беспокойство.

Отогнав от себя эти мысли, девочка села выполнять домашние задания. Казалось, что в тишине уроки она должна была подготовить быстрее. “Во всем надо искать плюсы...” – грустно подумалось ей. Однако, вопреки ожиданиям, отсутствие дома скандалов легкости не прибавило. Она уже сделала письменные задания на неделю вперед, которые были известны, приступила к устным, а папа так и не появился.

Закончив все домашние дела, Женя снова попыталась дозвониться до отца, но он не ответил на вызов. Она набрала ему еще раз – безрезультатно. В растерянности вышагивая по комнате, она уже волновалась не на шутку. Ни разу такого не случилось, чтобы он возвращался домой ночью или не приходил вообще. Это было очень странно.

Женя спешно оделась и торопясь выскочила из квартиры на улицу. Накапывал мелкий дождик. Мрак окутал пустынный скверик возле ее дома. Потоптавшись немного во дворе, она осторожно направилась в сторону завода, где работал папа. Идти пришлось по безлюдной аллее, которая из красочной и приветливой днем, в темное время суток превращалась в опасное царство тьмы и страха, где деревья, подобно стражам ада, отбрасывают зловещие тени от тусклого света фонарей, сгущаясь в неясные силуэты. Казалось, что каждую секунду из темноты может выскочить нечто жуткое. Напряженная тишина наполнялась тревожными шепотами, заставляя сердце биться быстрее, а неожиданный хруст веток под ногами вмиг становился предвестником неопишемого ужаса. С большим трудом Женя останавливала себя от жгучего желания побежать со всех ног обратно. Спешно шагая, она куталась в капюшон своей старенькой куртки телесного цвета, склонив голову немного вниз, чтобы внимательнее смотреть под ноги.

Вдруг ее кто-то окликнул. Девочка резко притормозила и подняла глаза на темную фигуру впереди, имевшую устрашающий вид. Казалось, что она подстерегала Женю, чтобы утащить в свое жуткое логово для расправы. Однако, присмотревшись получше, она поняла, что зловещий силуэт принадлежал соседке – тете Насте из квартиры напротив. Та давно жила одна. Муж умер несколько лет назад, а сын двумя годами ранее. Обоих забрала страшная болезнь – онкология.

– Женька, ты чего здесь делаешь в такую погоду? Да еще ночью? – подойдя ближе, строго спросила тетя Настя и пристально уставилась на нее.

– Папа с работы не вернулся. Я на завод иду искать его, тетя Насть, – грустно ответила девочка и поежилась от холода.

– Та-а-ак... – протянула женщина. – Вот что, пошли обратно. Нечего тебе в такую темень одной по улице ходить. Люди разные могут встретиться. Или нелюди...

– Нет, мне отца найти надо, – запротестовала Женя. – Вдруг случилось что, а я...

– Никуда я тебя не отпущу! – перебила ее соседка. – А если тебя беда догонит? Ну уж нет! Живо ко мне домой!

– Но папа может...

– Ничего! У меня переночуешь. А дома записку оставь. Коли трезвый придет – прочтет. А нет... – тетя Настя не договорила и тяжело вздохнула. Женя коротко кивнула соседке и, развернувшись, покорно поплелась рядом.

Когда они вместе поднялись на третий этаж, девочка забежала домой и, никого там не обнаружив, написала отцу сообщение, где ее искать. Потом прошла в комнату и, на всякий случай, еще и написала ему записку о том, что заночует у соседки, и положила ее на кухонный стол, подсунув под сахарницу. Тетя Настя ждала ее в коридоре и украдкой оглядывала квартиру. Потом они вместе вышли на лестничную площадку и Женя закрыла дверь на ключ.

– Проходи, дорогая, – радушно пригласила Женю тетя Настя, настежь открыв перед ней дверь. – Давненько ты у меня не была! С тех пор, как...

Женщина замолчала, сообразив, что напомнила сейчас девочке о несчастье, и суетливо стала раздеваться, сетуя на промозглую осеннюю погоду. Женя молча прошла на кухню, когда соседка надевала домашние тапочки.

– Ты же все также оладушки любишь? – участливо поинтересовалась тетя Настя и заговорщицки подмигнула. – Сейчас состряпаю по-скорому!

– Да не нужно! Я не голодная, – соврала девочка, стесняясь.

– Еще чего! – настаивала женщина. – Мне не в тягость! Тут дел-то на пять минут...

Желудок в этот момент предательски напомнил о себе громким урчанием. За переживаниями и домашними хлопотами девочка совершенно забыла поесть. Она смущенно взглянула на соседку.

– Ну вот, а ты говоришь – не голодная! – всплеснула руками тетя Настя и хитро прищурилась. – Живот-то твой поговорчивее будет.

Женя пожала плечами, стыдливо улыбнувшись и виновато посмотрела на нее. Соседка покачала головой и принялась за намешивание теста. Она была очень доброй. Они с мамой Жени по-соседски дружили и всегда приходили друг другу на выручку, если у кого-нибудь случались непредвиденные казусы в виде внезапно закончившейся соли или чего-то еще, либо делились удачными рецептами вкусных блюд и часто заходили в гости на чай с домашней выпечкой. Женя, и правда, любила оладушки, приготовленные тетей Настей. Они у нее всегда получались пышными и таяли во рту. Когда с мамой произошла беда, она первая навестила их с отцом, предложив свою помощь и в организации похорон, и по дому. Кто, как ни она знала, насколько это тяжело – терять дорогих и близких.

– Давай-ка, голубушка, садись скорее, – хлопотала соседка, а потом вдруг опомнилась. – Ой! Ты же руки не помыла! Ну-ка, давай бегом в ванную!

Ничего не ответив, Женя поплелась умыться. Спорить в гостях было неприлично. К тому же она действительно пришла с улицы, а значит, ладони сейчас атаковали микробы, которые если не смыть, непременно попадут в желудок и могут устроить там войну.

Вернувшись из ванной, девочка принялась за угощение. Сначала несмело и осторожно, борясь со смущением, а потом, когда голод взял свое, уже уплетала за обе щеки, потрясающие на вкус оладушки, макая в сметану, и запивала сладким чаем. Женщина с теплотой наблюдала за ней. Ей было и радостно видеть такой аппетит у Жени, и тоскливо.

– Володька часто хулиганит? – мягко поинтересовалась тетя Настя.

– Бывает... – ответила девочка, дожевывая оладушек и уныло потупила взор.

– Эх! Сколько раз уж я с ним разговаривала! Пыталась образумить, так нет же! Никак не может понять, что девчонка матери лишилась в таком нежном возрасте, а тут еще и отец... – печально вздохнула соседка. – Ведь такой парень хороший был! Работящий, вежливый, непьющий... А теперь...

– Просто ему тяжело... – робко заступилась Женя за папу. Ей хотелось верить, что когда-нибудь он опомнится и вернется к своему прежнему состоянию. Вспомнит, что у него есть дочь, которая нуждается в нем, в его поддержке.

– Ему тяжело... А тебе? – беззлобно возмутилась соседка. – Тебе ж приходится весь дом на себе тянуть! Я сразу заметила – чисто у тебя, все вещи на своих местах. А он не то, что не помогает, еще мучений тебе прибавляет – смотреть на его пьянки...

Девочка ничего не ответила ей. Нечего возразить, тетя Настя была во всем права. Ей, действительно, очень нелегко сейчас. Потеря матери непосильным грузом легла на ее душу. Пережить такое горе оказалось невыполнимой задачей потому, что приходилось следить за отцом и мириться с его теперешним образом жизни. Выбора-то он ей не предоставил.

– Хоть не бьет тебя? – вкрадчиво спросила женщина и пристально взглянула на нее. – Если, не дай бог, то не посмотрю на хорошее к нему отношение по старой памяти! Сразу...

– Нет! Что вы?! – испуганно залепетала Женя. – Он меня любит! Просто... Просто горе сломало его...

– Ну, хорошо... – отступилась соседка. – Хоть до этого не додумался...

Женя кивнула и смахнула подступившие слезы. Девочка боялась, что если отца лишат прав, она может оказаться в детском доме. Он на самом деле не трогал ее. Лишь однажды, в порыве затуманенного алкоголем рассудка, ударил ее по щеке, когда она вылила водку в раковину, устав ругаться и уговаривать вернуться к нормальной жизни. После пощечины она шокировано уставилась на отца, сказав, что никогда ему этого не простит. А утром, когда тот протрезвел, то на коленях вымаливал прощение у дочери, осознав, что натворил. Больше этого ни разу не повторялось.

– Наелась, лапонька? – заботливо поинтересовалась тетя Настя, вырвав ее из горьких воспоминаний.

– Да, спасибо большое... – прошептала Женя и благодарно улыбнулась.

– Вот и хорошо. А теперь спать! – подмигнула ей женщина, забирая пустую тарелку, чтобы помыть.

Ночью Женя долго не могла уснуть, думая то об отце, то о новеньком. Мысли лихорадочно скакали от одного к другому, мешая своими прыжками сну подобраться поближе. Но, наконец, она закрыла глаза, устав бороться с сонливостью.

Утром же, первым делом она схватила телефон, чтобы проверить, не звонил ли ей отец. Пропущенных вызовов не было. Это вернуло вчерашнее беспокойство. Быстро позавтракав омлетом и бутербродами с колбасой, с любовью приготовленными добродушной соседкой, девочка поспешила домой.

Зайдя в свою квартиру, она обнаружила, что папины вещи валялись на полу, а дверь в его комнату была нараспашку. Отец спал – видимо, явился очень пьяным или уже спокойно напился дома, найдя записку дочери. Сообщение-то так и осталось непрочитанным. Женя обреченно вздохнула, спешно собралась и отправилась в школу.

Глава 3

Женя шла на занятия, не торопясь. Впервые за прошедший год утро началось с заботы о ней. Это не она старалась встать пораньше, чтобы успеть не только собраться в школу, но и приготовить завтрак. Уже забытое чувство теплоты разливалось в ее душе, словно ласковый морской прилив на иссушенный берег. Ровно до того момента, пока она не застала своего родителя спокойно спящим, а по квартире витал мерзкий запах перегара. Отец вновь напился и даже отсутствие дочери дома не вызвало у него переживаний. А вдруг она не у соседки бы ночевала?

Надежда на исцеление отцовской души, на то, что он вдруг осознал, что так больше жить нельзя и взялся за ум, растаяла, как хрупкая снежинка на ладони. Сердце разрывалось от горечи и обиды. Ну почему он не хочет вспомнить о том, что у него есть дочь? Она понимала, что отцу нелегко пережить утрату, только вот ей-то гораздо сложнее. Он уходит в свой иллюзорный мир, боль притупляется, чувство безысходности отступает. А она? Ей приходится каждый день, каждую минуту переживать не только боль потери, но и отчаяние, которое наступает при виде отца.

Помотав головой, девочка постаралась разогнать эти неприятные думы. Зачем мучить себя постоянно? Надо отвлекаться от домашних проблем хотя бы на время учебы. К тому же, в ее жизни появился тот, кто дарит удивительные ощущения. Вчерашний день, проведенный с Евгением, оставил в ее душе теплый след. Она думала о том, как они слушали музыку, как он улыбался, и как его голос звучал спокойно и уверенно.

В школе все было как обычно. Учителя объясняли новый материал, одноклассники шептались на задних партах, а Женя старалась сосредоточиться на уроках. Но ее мысли постоянно возвращались к Евгению. Она украдкой поглядывала на него, замечая, как он сидит, устремив взгляд в окно, словно его мысли были где-то далеко. Они находились всего в нескольких сантиметрах друг от друга, и в то же время казались такими далекими. Кроме сухого приветствия, он никак больше не выразил своего отношения к ней. А вчера ей показалось, что они сблизились.

На перемене Женя хотела подойти к нему, когда новенький облокотился на подоконник и смотрел в окно. Она чувствовала, что не может больше ждать, что ей нужно узнать о нем больше. Но так и не решилась. Просто иногда поглядывала на него и смущенно отворачивалась, если Евгений замечал ее взгляды. Он едва различимо улыбался и вновь обращался к окну.

Последним уроком в расписании стояла химия. Женя любила этот предмет. Ей нравилось видеть, как при смешивании реактивов, растворы меняли цвета с прозрачного на яркие, словно по мановению волшебной палочки. Сегодня ожидалась лабораторная работа. Учительница, строгая и педантичная Ольга Павловна, предупредила всех: на этом уроке они будут проводить сложный эксперимент по смешиванию растворов, и любая ошибка может привести к... непредсказуемым последствиям. Женя ждала эту лабораторную с предвкушением.

Когда звонок прозвенел, все уселись на свои места. Евгений безразлично записывал данные для лабораторной работы и не замечал, как казалось Жене, ее волнительных взглядов. Она вздохнула и полностью погрузилась в задание, потому что парень не обращал на нее внимания. Женя была тихой и аккуратной, старалась всегда все делать правильно, чтобы не подвести ни себя, ни других.

И вот учительница раздала всем необходимые материалы. Она прочитала инструкцию для девятого класса и попросила всех быть крайне внимательными и точно следовать шагам:

- Налить в пробирку раствор медного купороса.
- Добавить несколько капель щелочи.
- Аккуратно нагреть смесь на спиртовке.

Ольга Павловна еще раз предупредила ребят об осторожности при выполнении работы.

С правого ряда, где сидел Арсений, слышались смешки. Женя прислушалась. Тот решил поэкспериментировать и налить в пробирку намного больше щелочи. Дескать, интересно, что же тогда получится?

– Ни в коем случае! – громко прошептала она, обращаясь к Сене. – Ты что задумал? С ума сошел? А если будет взрыв?

– Да ничего страшного не произойдет! – посмеиваясь, возразил одноклассник. – Если бы это было так опасно, нас не подпустили бы к этой щелочи! Расслабься. Никто даже не заметит. Будет весело!

– Оставь его, – тихо посоветовал Евгений. – Пусть развлекается. В конце концов, это его пробирка. Ему и отвечать.

– Но он может пораниться! – не отступала Женя.

– Значит, будет ему уроком, что нужно слушать, – спокойно ответил новенький. – Эксперименты – вещь рискованная.

Девочка хотела рассказать учительнице о задумке нерадивого одноклассника, чтобы не случилось ничего опасного, но в последний момент отступила и принялась увлеченно смеивать свои реактивы, подумав: «Наверное, Евгений прав. Каждый волен сам выбирать, что ему делать. Может, Арсений все-таки одумается.»

Но он, конечно же, проигнорировал предостережения Жени и добавил в свою пробирку почти вдвое больше щелочи, чем требовалось. Затем он нагрел ее на спиртовке. И тут произошло то, чего никто не ожидал: пробирка внезапно начала бурлить, как мини-вулкан, а потом... БАБАХ!

Все в классе подскочили от неожиданности. Раствор разлетелся во все стороны, окрасив лица сидящих рядом с виновником, одежду и даже потолок в ярко-синий цвет. Особенно сильно досталось Арсению, который теперь выглядел так, будто только что вернулся с фестиваля красок Холи. Ольга Павловна, находившаяся за своим столом и что-то писавшая, замерла на мгновение, а затем громко воскликнула:

– Витковин! Что ты натворил?!

Тот сидел за перепачканной партой изумленный и растерянно смотрел то на себя, то по сторонам. Пока учительница пыталась успокоиться, обмахивая себя рукой, ребята еле сдерживались от смеха. Преподавательница строго приказала Витковину умыться, и когда тот вернулся и сел за парту, шумно выдохнула, испепеляя его взглядом. А когда Ольга Павловна вышла, чтобы позвать уборщицу, весь класс разразился громким хохотом. Женя шокировано оглядывала нерадивого одноклассника какое-то время, а потом услышала сдавленный смех Евгения. Он приложил сжатый кулак ко рту и старался скрыть хохот, рвущийся наружу, но у него плохо получалось. Видя отчаянные попытки новенького, Женя рассмеялась. Тот взглянул на нее и тоже от души захохотал.

Когда прозвенел звонок, оповещающий о конце школьного дня, Евгений, складывая принадлежности в рюкзак, несмело обратился к своей соседке:

– Погуляем?

Та молча пожала плечами. Ее окликнула Рита и подошла. Новенький скривился, но отступить не спешил.

– Нет, вы подумайте только, что выкинул этот недоумок! – сказала девочка одноклассникам, качая головой и улыбнулась.

– Он хотел веселья, – холодно отозвался Евгений и оглядел зону бедствия. – Вот все и смеются теперь.

– Ба-а-а-тюшки! – раздался негодующий возглас уборщицы, тети Шуры. Которая стояла в дверях, держа в руках швабру и ведро с водой. – Олюшка, да тут работы до ночи!

Она поставила свой инвентарь и подошла к учительнице. Они стали бурно обсуждать случившееся и размышлять, как нейтрализовать этот беспорядок.

– Ты домой? – спросила Рита у Жени и с интересом посмотрела на стоящего рядом Евгения.

– Нет. Мы решили пройтись немного... – ответила подруге Женя и смущенно опустила глаза.

– А с вами можно? – поинтересовалась Рита.

– Мы с Женей будем обсуждать кое-что, – слегка раздраженно пояснил новенький. – Не сегодня...

– Понятно, – обиделась одноклассница. – Тогда пока. До понедельника.

– Пока... – почти хором ответили ей ребята.

Они медленно брели по унылой улочке, ведущей в парк. Погода стояла пасмурная. Мелкая изморось то заканчивалась, то начиналась вновь. Хорошо хоть морозы еще не ударили несмотря на то, что ноябрь уже всюю господствовал, и увядающая природа вызывала лишь сожаление о пролетевшем лете.

– О, беседка свободна! – обрадовался Евгений. – Пошли туда?

– Пошли... – тихо согласилась Женя.

Под навесом оказалось гораздо теплее. Скамейки были совсем сухие. Девочка смахнула несколько кленовых листочков и присела, облокотившись на деревянную спинку. Новенький тяжело опустился рядом. Какое-то время ребята молча наблюдали за гуляющими вдалеке маленькими ребяташками с мамами. Те приходили в восторг от каждого найденного красочного резного листочка и спешили показать их своим матерям. А они в ответ бурно удивлялись, как это малышам удалось отыскать такую красивую листву! Дети пищали от радости и бежали на поиски еще более интересных, на их взгляд, листьев.

– Хорошо здесь... – первой нарушила тишину Женя.

– Да... – отозвался Евгений. – Ты не замерзла?

– Нет... – коротко ответила она и поежилась.

– Точно? – недоверчиво уточнил парень.

– Угу... – сказала она в ответ. – Такая свежесть, даже дышится легче...

– Это правда... Мне не хочется сейчас идти домой...

– Мне тоже, – призналась Женя. – Ты... ты часто слушаешь РЯ?

Евгений кивнул.

– У тебя тоже дома проблемы? – осторожно спросила она.

– Нет... Дома все в порядке... – ответил Евгений и грустно посмотрел куда-то вдаль.

Женя поняла, что он не хочет говорить об этом. Она решила не настаивать несмотря на то, что у нее было безудержное желание знать все об этом мальчишке: откуда он, кто его родители, почему они переехали сюда и почему он вызывал к душе девочки такие сильные чувства?

– Знаешь, мне песни Якова Риваненко помогают жить, как бы пафосно это ни звучало. Иногда на меня нападает такая грусть, что задумываешься – а не закончить ли все это? Но я включаю РЯ, и тоска отступает...

– Да, мне тоже нравится его музыка. Она... настоящая. Как будто он говорит о том, что чувствует каждый.

Женя удивленно взглянула на него. Она никогда не думала, что кто-то еще в их школе может так понимать музыку РЯ, тем более мальчишка. Для нее это было чем-то личным, почти священным. Эмоции, что дарили любимые песни, не разделял никто в классе. Когда она призналась Рите, насколько сильно они отзываются в душе, та деликатно промолчала. Женя поняла тогда, что ей не с кем поделиться своими ощущениями. Больше она не заводила подобных разговоров с подругой.

– Ты прав, – сказала она. – Его песни... они как будто про меня.

Евгений улыбнулся. Эта музыка вызывала у него те же чувства.

– Я знал, что ты поймешь. Ты... ты не похожа на других.

Женя почувствовала, как сердце замирает, а потом начинает колотиться в груди с неистовой силой. В этот момент она поняла, что Евгению можно открыть свой самый сокровенный секрет.

– Рассказать тебе о своей мечте?

– Конечно! – оживился парень, внимательно посмотрев на нее.

– Когда-нибудь я обязательно уеду отсюда, чтобы... – девочка замолчала, набираясь решимости. – Чтобы встретиться с ним вживую...

– С кем?

– С РЯ, – засмеялась Женя. – Я мечтаю попасть на его концерт, почувствовать энергетику каждой песни напрямую...

– А-а, – протянул Евгений и, выдохнув, холодно произнес. – Я думал, что ты влюблена в него...

– Не-е-ет! Конечно, нет... – улыбнулась Женя. – Не в него... В его песни...

Парень промолчал и поднялся. Он предложил пройти к реке. Девочка согласилась. Дождь уже не моросил, и можно было насладиться видами голубых волн.

– А ты? – спросила Женя, когда они вышли к реке. – О чем ты мечтаешь?

Евгений задумался.

– Я... я хочу прожить жизнь так, чтобы не жалеть ни о чем. Чтобы каждый день был важным. Хочу успеть сделать все, что только смогу. Оставить после себя что-то значимое, особенное... Чтобы моя смерть не принесла горя родным... – он печально улыбнулся.

– Какая смерть? Ты о чем? – удивилась Женя. – Ты слишком молод, чтобы думать о смерти! У нас вся жизнь впереди. И мы непременно проживем ее как можно счастливее! Наверное...

– Вот именно – наверное... – повторил парень. Уголки его губ растянулись в улыбку, только глаза излучали вселенскую грусть.

Женя посмотрела на него, чувствуя, как что-то внутри нее сжимается. Она не могла понять смысла, который он заложил в свое признание. Но спрашивать об этом не решалась.

– Ты... ты счастлив? – выпалила она, неожиданно для себя.

Евгений вновь улыбнулся, но и в этой его улыбке было что-то печальное.

– Сейчас – да. С тобой мне хорошо.

Женя почувствовала, как щеки заливают румянец. Она хотела сказать, что чувствует то же самое, но слова застряли в горле. Вместо этого она смущенно улыбнулась, и тема откровений Евгения о смерти забылась сама собой.

Они сидели на берегу реки, слушая, как вода тихо плещется о камни. Женя чувствовала, как что-то внутри нее меняется, как будто мир становится ярче и интереснее. Она не знала, что это было, но ей нравились эти ощущения.

Когда начало темнеть, Евгений предложил проводить Женю домой. Они шли по тихим улицам, возвращаясь обратно. Разговаривали обо всем на свете: о книгах, которые каждый из ребят успел прочитать или о тех, что хотели бы прочесть, о фильмах, об уроках.

– Спасибо за прекрасную прогулку, – сказала она, когда подростки подошли к дому Жени.

– Это тебе спасибо... За компанию, – ответил Евгений, улыбаясь. – Ты свободна на выходных? Увидимся завтра?

Женя кивнула, чувствуя, как сердце наполняется теплом. Необъяснимая радость и безмятежный покой ощущались рядом с этим тихим парнем.

– Тогда я позвоню тебе завтра? Или напишу? – стесняясь, чуть слышно произнес Евгений. – Можно?

– Конечно, – просияла девочка.

– А номер-то дашь? – засмеялся он, облегченно выдохнув.

– Ой! – сконфуженно ответила Женья и продиктовала свой телефонный номер.

– До завтра... – ласково проговорил парень, записав его, и махнул рукой на прощание.

Она смотрела, как тот быстро шагает, отдаляясь. Женья стояла, улыбаясь самой себе. Она понимала, как много у них с Евгением общего: и предпочтения в музыке, и книги, и даже любовь к осени...

– Па-а-ап! Ты дома? – негромко спросила девочка, открывая входную дверь.

По квартире витал уже привычный за год отвратительный запах перегара, но отца не было видно. Она прислушалась, стоя на середине коридора. В ванной слышался плеск льющейся воды.

Облегченно выдохнув, она спешно прошла в свою комнату. Положив сумку с учебниками на стол, Женья переоделась. В голове снова возникли мысли о новеньком. Он такой необычный, не похожий на других мальчишек. И эта грусть в глазах...

– Женька? – постучался к ней отец. – Можно?

– Да... – отозвалась девочка.

– Я сейчас на работу. Ты тогда уроки делай и не жди меня, – сказал он. – Если хочешь, к тете Насе ночевать иди. Я опять поздно вернусь.

– Почему? – удивилась она.

– Петрович старый станок реанимировать задумал. Мы с Коляном над ним до ночи вчера бились – без толку! Сегодня опять будем. Так что... – пояснил отец.

– Тогда все понятно... – раздраженно произнесла Женья.

– Что тебе понятно? – злобно переспросил он.

– Почему ты такой пьяный был...

– Я не пил! И не собираюсь! – агрессивно парировал он. – И вообще – мала ты, чтобы меня учить!

– Мне пятнадцать! Я не слепая и все понимаю! – вскипела девочка.

– Все! Я предупредил. Дальше думай сама! – заорал отец и хлопнул дверью.

Через минуту в квартире стало тихо. Женья медленно опустилась на кровать и отчаянно разрыдалась. Она дико устала от бесконечных пьянок. Слабая надежда на то, что папа одумается, угасала с каждым днем все больше. Если он собирается работать с этим дядей Колей, то исход предопределен. Тот считался забулдыгой уже несколько лет. Раньше отец сам пытался привести его в чувство, а теперь... Теперь он все больше скатывался к такому же образу жизни.

– Зачем только Алексей Петрович им вместе поручил ремонтировать этот злосчастный станок? – яростно бросила она вслух. – Надо с ним поговорить, объяснить его ошибку.

Женья вскочила и достала телефон из школьной сумки. Прокрутив список контактов, номера директора завода она, естественно, не нашла.

“Завтра же спишу его с отцовского телефона!” – решительно подумала девочка и, успокоившись, села за домашние задания.

Глава 4

Женя проснулась рывком, словно ее кто-то толкнул во сне. Глаза распахнулись, но мир вокруг оставался размытым, будто она все еще находилась между реальностью и сном. За окном было еще темно – лишь слабый серый свет пробивался сквозь плотные шторы, намекая на приближение рассвета.

Она лежала на спине, укрытая старым пледом, который когда-то связала ее мама. Плед был мягким, но уже порядком потертым, и Женя часто цеплялась за него пальцами, как за последнюю ниточку, связывающую ее со счастливым прошлым.

В комнате стояла тишина, нарушаемая только далекими звуками города за окном: где-то вдалеке проехала машина, потом послышался короткий гудок, а еще через мгновение – лай собаки. Но в квартире было особенно тихо, если не считать мерное тиканье старых настенных часов. Это тиканье всегда вызывало у Жени странное чувство: иногда оно успокаивало, напоминая, что время идет своим чередом, а иногда казалось невыносимым, будто каждая секунда подчеркивала ее одиночество.

Она медленно села на кровати, откидывая рыжие волосы с лица. Утро встречало ее прохладой – батареи снова плохо грели, и воздух в комнате был чуть влажным. Женя потянулась, чувствуя, как мышцы отзываются легкой болью после ночи на слишком мягком матрасе.

Сон почти сразу начал ускользать, но одно воспоминание все еще витало в голове: ей снилось, что она стоит на краю огромного поля, а вдалеке парят большие огненные птицы. Они были такими яркими, такими живыми, что даже сейчас, проснувшись, она могла вспомнить их силуэты и то, как солнце играло на их золотистых перьях. Но стоило попытаться ухватиться за детали сна, как он растворился, оставив после себя лишь смутное чувство тоски.

“Опять эти необычные птицы,” – подумала она, вздохнув. С тех пор, как она встретила Евгения, такие сны стали появляться все чаще. Она не понимала, почему они ее преследуют, но каждый раз просыпалась с ощущением, что что-то важное вот-вот откроется. Только, по-прежнему, осознание это оставалось недостижимым.

Женя спустила ноги с кровати и почувствовала холод пола под пятками. Она достала из-под кровати тапочки, которые давно уже видели лучшие времена, и накинула на плечи старую кофту. Сегодня предстояло многое сделать, хотя бы просто пережить еще один день.

Неожиданно телефон завибрировал. Девочка удивленно потянулась к нему. Взяв аппарат в руки, она увидела уведомление о новом сообщении. На экране высветился незнакомый номер.

“Хочу быть первым, кто пожелает тебе доброго утра сегодня!” – прочитала Женя.

Она поняла, что это Евгений. По телу пробежала волна мурашек, а в животе запорхали бабочки. Она улыбнулась и отправила ему ответное сообщение.

“Спасибо! И тебе доброго утра.”

Быстро сохранив номер одноклассника в списке контактов, Женя почувствовала прилив радости и поспешила в ванную. По дороге она остановилась возле комнаты отца. Дверь была приоткрыта. Она осторожно заглянула внутрь. Тот лежал на кровати прямо в одежде и громко храпел. В нос тотчас ударил неприятный терпкий запах, и Женя поняла, что он снова был пьян. Состроив недовольную гримасу, она тихо закрыла дверь. Хорошее настроение стремительно таяло. Поникшая, она медленно пошла умываться.

Почти бесшумно наведя порядок в квартире, девочка приготовила завтрак. Отец не просыпался, и она не хотела будить его раньше времени. Возможность, что тот еще не протрезвел, слишком высока. Лицезреть его опухшую физиономию у нее не было никакого желания. Судя по всему, он вернулся поздно.

Тихонько войдя в свою комнату, девочка присела на кровать. Ей хотелось разрыдаться от безысходности и жалости к себе. Она посмотрела на телефон и взяла его. На экране висело сообщение от Евгения.

“Не думал, что ты проснешься так рано. Извини, если разбудил.”

“Все в порядке. Ты совершенно ни при чем,” – ответила Женя.

“Встретимся часов в шесть?”

“Конечно.”

“Тогда я приду к твоему дому к этому времени.”

“Хорошо,” – написала девочка и отложила телефон.

За дверью послышались тяжелые, медленные шаги, словно кто-то с трудом передвигался, опираясь на стену. “Проснулся,” – с грустью подумала Женя, чувствуя, как сердце сжалось от невысказанной тревоги. Она устало перевела взгляд на окно, за которым разворачивалась мрачная, почти живая картина осеннего дня.

На улице накрапывал мелкий, назойливый дождик, оставляя блестящие дорожки на стекле и превращая асфальт в серое зеркало. Порывистый ветер яростно клонил деревья, заставляя их ветви скрипеть и хлестать по воздуху, будто они пытались вырваться из невидимых оков. Пожухлые листья, давно забытые осенью, кружились в неспешном танце, подхваченные порывами ветра, и падали обратно на землю, чтобы снова быть поднятыми вверх.

Улица была пуста – ни прохожих, ни машин. Лишь одинокий фонарь, качающийся на ветру, создавал иллюзию движения, хотя его свет казался тусклым и безжизненным в этой серой мгле. Этот пейзаж словно отражал ее собственное состояние: одиночество, усталость и безысходность.

Женя вздохнула, чувствуя, как холод от оконного стекла начинает проникать в ее ладони, и обхватила себя руками, пытаясь согреться. Шаги за дверью становились все дальше, и каждый из них отзывался эхом в голове, напоминая о том, что она не может спрятаться от реальности, какой бы горькой она ни была. Скрипнула дверь ванной, и послышался плеск воды.

Почувствовав необходимость выразить эмоции, что возникли сейчас в душе, она вынула тетрадь, которую всегда прятала под подушкой, и записала.

“Этот мир бездушен и жесток...”

Отчего? Я не могу понять...

В этой жизни каждый одинок.

Каждый... В том числе и я.

Ты ведь тоже одинок, скажи?

Одному идти по жизни трудно.

В одиночестве пустой проходит жизнь.

А приятные моменты скудны.

Я душой не ангел и не бес.

Только счастья не могу найти.

Очень жаль, что рай земной исчез...

И теперь уж нет к нему пути...”

Женя быстро прочла, что в итоге получилось, вздохнула, медленно встала с кровати и подошла к шкафу. Среди одежды, которую она почти перестала выбирать с удовольствием, висело старое голубое платье, подаренное мамой на день рождения незадолго до ее гибели. Девочка иногда надевала его, когда хотела хотя бы так почувствовать близость с мамой, вспомнить ее сияющие глаза, когда примеряла ее подарок, радостно отбросив крафтовую бумагу на кровать. Но сегодня Женя решила выбрать что-то другое – что-то, что будет связывать ее с приятными воспоминаниями о новеньком. Хотя что-то должно было соответствовать светлому настроению, которое пробудилось в ней после сообщения от Евгения.

Она еще раз оглядела содержимое шкафа и решила выбрать ярко-красный худи, который не надевала уже больше года, и широкие темно-синие джинсы – удобные и красивые, с россыпью страз по бокам штанин, и посмотрелась в зеркало на внутренней стороне дверцы.

Зеркальная гладь отразила бледное лицо, темные круги под глазами, но взгляд... взгляд был немного другой. В нем проснулось что-то новое. Надежда? Или просто мечта?

Из раздумий ее вырвал резкий звук громко хлопнувшей двери ванной. Женя замерла и прислушалась. Последовал скрип половиц под ногами отца. По всей видимости он отправился на кухню. В подтверждение ее мыслей раздался скрежет дверцы холодильника, а потом и хлопок открывшейся бутылки.

“Замечательно... – с раздражением подумала девочка. – Если начал утро с пива, то скоро лыка вязать не будет...”

Она снова оглядела себя в зеркале и вздохнула. Энтузиазм, с которым она выбирала одежду еще пять минут назад, улетучился. Женя сняла худи и джинсы, аккуратно сложила их и оставила на своем письменном столе. Вместо них она натянула на себя выцветшие от многочисленных стирок из-за постоянной носки: блеклую желтую футболку, вытянутые в коленках спортивные штаны и старую вязаную кофту. Настроения выглядеть сейчас как-то по-особенному уже совсем не было.

На протяжении года все чаще Женя чувствовала себя неуютно рядом с отцом. Беспробудные пьянки Владимира превращали его в злобного, агрессивного, дурно пахнущего монстра. Монстра, который в пьяном угаре не различал, кто стоит перед ним – разъяренный собутыльник или собственная дочь. Девочка, на чью долю выпала не только ранняя смерть любимой матери, но и бесконечные разборки с захмелевшим отцом.

Нет, она любила его. Сильно, беззаветно, истинной дочерней любовью, чистой и бескорыстной. Поначалу Женя искала оправдания этим изменениям в поведении своего нерадивого родителя – потеря любимой жены, усталость, неприятности на работе. Но с каждым разом это становилось делать все труднее. Чем еще она могла оправдать то, как быстро он катился по наклонной? Слабостью духа? Глубокой скорбью? Не пониманием, как жить дальше?

Все эти доводы она уже множество раз приводила у себя в голове. Попытки найти новые отговорки исчерпали себя. Женя поняла, что отец пил потому, что хотел... А вовсе не потому, что не мог иначе. Мог. У него просто не было желания покончить с пьянством.

Поэтому она старалась не пересекаться с ним, закрыться в своей комнате или в ванной, вставить наушники, включить песни РЯ или убежать на улицу, в парк. Женя знала, что если сейчас выйдет к нему, то скорее всего получит очередную порцию претензий, обвинений в неправильности приготовленной еды, брани, возможно – слез и жалоб на его несчастную судьбу. Как будто у нее жизнь была счастливее.

Где-то на кухне послышался лязг бутылок, и следом за ним раздались тяжелые шаги в направлении отцовской комнаты. Девочка шумно выдохнула и, с горечью взглянув на дверь, медленно опустилась на кровать. Проведя в эмоциональном ступоре пару минут, она забралась на кровать с ногами, коснувшись спиной прохладной стены.

Она сидела, обхватив колени руками, и смотрела в потолок. Мысли кружились, как листья на ветру – беспорядочно, тревожно, без определенного направления. В голове звучали одни и те же вопросы: “Почему он не может взять себя в руки? Почему он не замечает меня? Почему не видит то, во что превратилась моя жизнь? Он же на самом деле не такой...”

Женя закрыла глаза и попыталась представить другую жизнь – где мама жива, отец снова улыбается за завтраком, а она больше не прячется по углам, боясь его реакции. Где они всей семьей слушают музыку, ходят в парк, смеются... Но образ счастливой когда-то семьи был слишком далек, почти призрачен, стерт с лица земли, как бесполезный мусор. Словно сон, растаявший поутру. Сон, который уже никогда не станет реальностью.

Слезы отчаяния сами покатались из глаз. Они стали почти ежедневными гостями на лице девочки. Она уже настолько привыкла безмолвно плакать за этот год, что даже не замечала их. Лишь чувствовала, что футболка становилась влажной. С каждым днем боль от потери дорогого человека увеличивалась, подпитываясь постоянными страданиями из-за отцовских пьянок.

У нее даже не было возможности пережить горе, оплакать и принять неизбежное. Никто не предоставил ей такого шанса. Буквально со дня похорон Владимир двинулся по скользкому пути навстречу зеленому змию и разрешил тому крепко обвить свою шею. Он позволил горю полностью захватить мысли, чувства, даже жизнь. Позволил себе забыть, что дочери в этой ситуации во сто крат тяжелее. И не протянул ей руку помощи. Бросил на произвол, трусливо сбегаая от страшной реальности, даже не задумавшись, как она будет справляться со всем одна? Маленькая, хрупкая четырнадцатилетняя девочка. Совсем еще ребенок... Ребенок, у которого был выбор: либо так же сломаться и навсегда уйти в себя, либо заставить себя повзрослеть, стать опорой для себя самой, раз никто другой не смог стать ею. Даже отец. На него она уже не могла положиться.

И Женя выбрала второе. Выбрала борьбу. Она не хотела сдаваться. Она встала на ноги, когда мир рухнул. Не потому что очень этого желала, а потому что ей нечего было терять. Мама ушла навсегда. Отец ушел следом, хотя физически оставался рядом. Эмоционально же она потеряла его еще на похоронах мамы. А Женя... Женя осталась одна. С книгами, блокнотами со стихами, наушниками и песнями РЯ. Они стали ее семьей. Ее спасением.

Вытерев слезы, она неспеша встала и взяла со стола наушники и телефон. Бегло взглянула на запертую дверь своей комнаты и прикрыла глаза, глубоко вздохнув. Затем вернулась на кровать, открыла плеер и несколько секунд раздумывала, с какой песни начать. Решила включить ту, которая придавала ей силы жить дальше. Раньше, до горестных перемен, эта песня не имела для Жени столь большое значение. Она почти не понимала ее смысл, не понимала, что жизнь может быть такой жестокой. А сейчас песня “Яма” помогала девочке верить в свои силы, в себя. Верить, что она обязательно со всем справится. Да и доверять посторонним людям она перестала. Яков транслировал “не искать среди друзей эликсир”. Вот она и не надеялась ни на кого больше. Лишь Евгений пробудил в ней желание поведать тайны ее непростой жизни и отыскать слабую надежду на поддержку, а, возможно, и помощь.

Нажав на Play, в голове тотчас же стал звучать красивый голос Якова Риваненко.

“Вы бросили меня в нору немилости

И отвернулись. Я почти подох...

И не хватало мне тогда решимости

Молиться. Где же был ваш бог?

Не понимал я, как он мог смотреть,

Как жизнь моя стекает прямо в ад?

Зачем позволил мне живьем гореть?

Валяться в яме лжи среди громад?” – Женя решительно качала головой в такт музыке. Она представляла себя, лежащей в глубокой яме. Рыжие волосы спутались и образовывали колтуны вперемешку с грязью. Она опиралась обеими руками о землю и ненавидящим взглядом смотрела вверх. Тело ее было охвачено ярко-алым огнем с оранжевыми всполохами.

“Кто поможет, когда хреново?

Кто протянет руку, не уйдет?

Кто тебя помянет добрым словом?

Кто твой ад потушит, бросив лед?

Ты один приходишь в этот мир.

И один ты корчишься от боли.

Не ищи среди друзей ты эликсир!

Всем плевать на твою боль и на мозоли...” – она будто видела себя со стороны, находящейся в этой яме лжи. Словно Яков написал эту песню специально для нее. Как будто он знал, какая судьба ждет девочку дальше и таким образом пытался помочь ей справиться с отчаянием.

“Никто не поможет... Никто...” – одними губами прошептала Женя, и из глаз вновь показались слезы на не успевшие еще высохнуть щеки.

“Я зол был на себя, на всех вокруг.

И эта злость мне придавала силы

Бороться. Сжало череп от натуг.

Но сумел себя поднять я из могилы.

И сейчас я на коне златом верхом.

А вы? Где вы? Вы сами в яме!

Меня клеймили вы никчемным слабаком.

Теперь вы влезли в мою шкуру сами!” – на этом куплете Женя выпрямилась, подобралась и решительно посмотрела перед собой. Она должна держаться столько, на сколько хватит сил. Она должна доказать самой себе, что у нее все получится.

“Хотели, чтобы сдох, в аду горя?

Щедры на подлости и лжи вы не жалели.

Вы думали подохну, суки? Зря!

Я выжил! Не дождетесь! У меня другие цели!” – эти строчки “Ямы” стали самыми любимыми для нее. Да, у нее другие цели! И она сделает все возможное, чтобы их добиться!

Так, слушая музыку и заряжаясь желанием бороться дальше, она просидела около трех часов.

Неожиданно дверь ее комнаты распахнулась и покачивающийся Владимир с трудом сделал несколько шагов внутрь. На его лице была недовольная гримаса. Он раздраженно шевелил губами, явно что-то крича. Это заставило Женю вздрогнуть и спешно вытащить наушники из ушей.

– Ты, вообще, слышишь меня, мерзавка? – орал взбешенный отец. – Я с голоду подыхаю, а она сидит со своими бананами в ушах! Жрать иди готовь! Бегом!

– Я же целую тарелку блинчиков напекла! И сметана в холодильнике стоит! – возразила девочка.

– Какая “целая тарелка”? Там было-то... – не унимался Владимир. – Мухой лети стряпать!

– Пьянками своими кормись... – пробубнила девочка едва слышно и, вскочив с кровати, проследовала на кухню.

– Что ты сказала? – заплетающимся языком завопил папаша, едва держащийся на ногах.

– Ничего! Тебе послышалось! – уже громче заявила Женя и, не глядя на отца, проскользнула мимо него в коридор.

Пьяный папаша за эти несколько часов успел превратить квартиру в свинарник. Повсюду валялись скомканные вещи. Она не могла понять, откуда он только их вытащил? Когда успел испачкать? По паркету в коридоре разлилось что-то темное и липкое, раковина и стол на кухне были заставлены пустыми бутылками, грязными тарелками, вилками, ложками и бокалами. Девочка с отвращением оглядела все это безобразие и принялась за дела.

За готовкой, мытьем посуды, полов, приведением квартиры в порядок пролетело несколько часов. Девочка была измотана. Она с трудом передвигала ногами и уже мечтала просто рухнуть на кровать. Но, вспомнив, что договорилась о встрече с Евгением, она взглянула на часы на стене.

“Шестнадцать минут шестого, – подумала она и поплелась в ванную. – Надо принять душ. Не могу же я показаться в таком виде. Наверняка от меня воняет!”

Теплая вода смыла не только грязь и пот с ее тела, но и придала сил. Настроение сразу же улучшилось. Захотелось глотнуть свежего воздуха. Высушив волосы феном, Женя с необыч-

ным трепетом взяла со стола стопку одежды, выбранной утром. Поднеся ее к лицу, она вдохнула слабый цветочный аромат и улыбнулась. Быстро одевшись, она подошла к шкафу, открыв дверцу, стала придирчиво рассматривать себя.

“Вроде неплохо...” – размышляла она с сомнением.

Вдруг телефон завибрировал, и экран вспыхнул. Девочка подошла к столу. Схватив мобильный, она радостно улыбнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.